

НЕВІДОМІ ЕТНОГРАФІЧНІ МАТЕРІАЛИ ПРО УКРАЇНЦІВ КУРЩИНИ (з архівної спадщини Григорія Залюбовського)

Людмила Іваннікова

УДК 39(470.323=161.2):025.171

Стаття присвячена українцям Курської губернії. Автор подає коротку історіографію цієї практично недослідженої проблеми і пропонує увазі читача досі невідомий у науковому обігу етнографічний опис українських сіл Старооскольського повіту, зроблений на початку 60-х років XIX ст. В опису йдеться про традиційні ремесла, одягу, мову їх мешканців, соціально-економічні проблеми, міжетнічні взаємини.

Ключові слова: українська діаспора, Курщина, міжетнічні взаємини.

The article is devoted to the Ukrainians of the Kursk Governorate. The author gives a brief historiography of this largely unexplored topic and offers a reader an ethnographic description of the Starooskalskyi county's Ukrainian villages still unknown to the science and provided in the early 1860s. The description covers the traditional occupations, clothing, and language of the county's residents, the socio-economic problems and interethnic relations.

Keywords: Ukrainian diaspora, Kurshchyna, interethnic relations.

Курщина — це північно-західна частина Слобожанщини, що до 1914 року становила Курську губернію, південь якої належить до української етнічної території. Споконвіку тут було Дике Поле, безлюдний степ. Заселення цієї території розпочалося з XVI ст. як росіянами, так і українцями. На кінець XVI ст. Москва вже побудувала тут міста Орел, Воронеж, Белгород, Оскол, Курськ, Валуйки [9, с. 1245]. Щоб обмежити потік російських селян-кріпаків на Дон, царський уряд сприяв українській колонізації Слобідської України, дозволяв їм селитися цілими громадами на пільгових умовах (слободи), наділяв їх землею і зберігав за поселенцями козацькі права та полковий устрій. Уже в 1650 році існували слобідські полки — Острогозький, Сумський, Охтирський, Харківський. У 1765 році цариця Катерина II ліквідувала козацький устрій та слобідські полки, а козаків перетворила на т. зв. «військових обивателів» (за станом вони були подібні до державних селян). У 1835 році було ліквідовано Слобідську губернію, з її південної частини утворено Харківську губернію, а північна ввійшла до складу Воронежської та Курської губерній [8, с. 2885]. Станом на 1926 рік у Курщині проживало 403 000 українців (53,6 % населення). У 1954 році майже

всю заселену українцями південну частину Курської області виділено до новоствореної Белгородської області, а за переписом 1960 року на етнографічній Курщині проживало вже 180 000 українців [9, с. 1245]. Такі скупі відомості про цей край подають нам автори «Енциклопедії українознавства» Володимир Кубійович та Олександр Оглоблин.

У 1781 році за відрядженням Російської академії наук через Курщину проїздив знаменитий етнограф-мандрівник Васи́лій Зуєв. Він повідомляє у своїх «Путешественных записках», що українці проживають у таких містах, як Курськ, Цигри, Суджа, Старий Оскол, Новий Оскол, Короча, Рильськ, Путивль, Обоянь, Белгород, а також в Обоянському та Белгородському повітах [16, с. 152, 157–162, 167, 172, 177].

Слід зазначити, що українці Курщини маловивчені з етнографічного боку порівняно навіть зі своїми сусідами, мешканцями Воронежської губернії, де активно працював видатний етнограф Митрофан Дикарєв. На Курщині, на жаль, таких постатей не було. Проте непоодинокі спроби здійснювались. Так, Павло Тарасевський досліджував українсько-російські фольклорні паралелі. Декілька українських пісень записав у Путивльсько-

му повіті М. Добротворський [6, с. 585–588]; О. Сластіон навів відомості про українських кобзарів з Курщини та їх репертуар на сторінках журналу «Рідний край» [18, с. 11–12]; М. Васильєв та П. Сухов записували на Курщині легенди й повір'я про походження тютюну [2, с. 156–157]; М. Халанський досліджував народні говори Курської губернії, у тому числі й українські, записував українські пісні [19, с. 321–360]; Р. Данковська — українське обрядове печиво [3, с. 21–34]; а в «Известиях историко-филологического института князя Безбородка в Нежине» (т. XXI) опубліковано записи замовлянь з Курщини, здійснені в 50-х роках XIX ст. [7]. Найбільш досліджений на сьогодні Суджанський повіт, мешканці якого — колишні козаки Сумського полку, сотенних міст Суджі й Миропілля. Значний внесок у ці дослідження зробили російські етнографи А. Дмитрюков, А. Ніколаєв, В. Подольський, Є. Резанов, А. Арнольдї. Так, ще 1831 року в газеті «Московский телеграф» А. Дмитрюков опублікував цікаву розвідку під назвою «Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии» [5], де були вміщені народні пісні та весільні обряди, народний календар, демонологія, матеріали з народної медицини, опис досвітків. Наступні 20 років учений не припиняв своїх досліджень, бо вже з 1851 року, коли в «Курських губернських відомостях» розпочалась публікація «Материалов для описания Курской губернии» [11], він надсилає записані ним народні ігри, анекдоти, загадки, прислів'я та приказки [4]. Весільні обряди та демонологію українців Суджанського повіту записував А. Ніколаєв [14, с. 317–318; 13, с. 133–136]. Дитячі ігри, звичаї, казки, повір'я та демонологічні уявлення зібрав в українських селах Суджанського повіту Є. Резанов [17, с. 172–249]. Апокрифічні легенди та повір'я, що побутували там, записували й інші вчені [1, с. 68–69; 15, с. 1–2; 12]. Невідомим автором у замітці «С границы Малороссии» в журналі «Киевлянин» 1875 року здійснена спроба опису Суджанського повіту з погляду етнографічного та економічного

[20, с. 43]. Однак, як виявилось, це була вже не перша спроба.

В Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського (ф. І, од. зб. 4834) нами виявлена «Этнографическая заметка» Г. Залюбовського, присвячена українцям Курщини. Стаття незакінчена. В основу її покладені етнографічні спостереження невідомої особи, зроблені, можливо, на початку 60-х років XIX ст., які, за висловом Григорія Антоновича, випадково потрапили до нього. Ніяких відомостей про автора цих спостережень, ані про те, де, коли і за яких обставин він їх роздобув, Г. Залюбовський не повідомляє. Можна лише припустити, що замітка потрапила до його рук після 1864 року, коли він, через матеріальну скруту, покинувши навчання в Харківському університеті, працював прикажчиком книжкового магазину Олени Балліної у Курську. Це був період між 1864 і 1867 роками. Крім того, у преамбулі до цитованого ним тексту Г. Залюбовський пов'язує виникнення замітки з діяльністю земств, які, як відомо, виникли саме в цей період — 1865 року. У сферу цієї діяльності входили заходи з народної освіти, створення шкіл, видання доступних книжок для народу, зокрема популярних наукових брошур, створення бібліотек, фахових курсів і лекцій, організація статистичних і економічних досліджень. Оскільки земський рух фактично передував створенню в Україні та в Росії політичних партій [10, с. 790–791], а більшість його діячів походили з ліберальних кіл інтелігенції та дворянства, серед яких було чимало «неблагонадійних», не дивно, що Г. Залюбовський, готуючи до друку замітку, приховав ім'я її автора.

Однак у запропонованому видатним фольклористом та етнографом нарисі знаходимо надзвичайно цінні відомості про українське населення Старооскольського повіту Курської губернії. Як запевняє автор, у цій частині Курщини, що межує з Воронежчиною, українці переважають, живуть купно, окремими селами, у повній відчуженості від росіян, зберігаючи свою самобутню культуру, мову,

традиції і звичаї, національну самосвідомість. Йдеться про села Дубенка, Орлик, Волоконовка (Великанівка), Хворостянка, Мищенка, Вільшанка, Трубецьке, Іванівка, Козачок, Обухівка та ін. Окремі села мали населення від 750 і більше душ, а наприклад, с. Орлик мало на той час 3,5 тисячі мешканців! Цікаво було дізнатись, як характеризують українців сусіди-росіяни: працьовиті, маєтні, в усьому бездоганні, особливо гарні у них пісні. Багато уваги приділено тут традиційним українським ремеслам, одезі, мові, соціально-економічним проблемам, міжнаціональним взаєминам. Цікаве спостереження над тим, що асиміляції більше піддаються чоловіки, а от жінки вкрай консервативні.

Готуючи замітку до друку, Г. Залюбовський пише коментарі до неї, у яких передбачає насамперед велике майбутнє етнології, яка на той час лише формувалася як наука. Одним із важливих завдань етнології вчений вважав вивчення пограничних територій, порівняльні дослідження різних народностей, особливо тих, які змушені співіснувати в одному тісному просторі. Таке співіснування, унаслідок якого одна нація поглинає іншу, на його думку, украй неприродне, неприпустиме, бо призводить до руйнування, нівелювання обох народностей, їх культур.

Пропонуючи увазі читача цей цінний архівний документ, ми внесли такі кон'єктурні правки:

1. *Арнольди А. К.* «Чого люди не роблять по празникам». «Приказка», записанная учителем с. Посягвы Павловским в с. Кучеровском Хуторе Суджанского уезда Курской губ. // *Курский Сборник*. – 1912. – Вып. II.

2. *Васильев М. К., Сухов П. И.* К легендам и поверьям о табаке. Откуда взялся табак? // *Этнографическое обозрение*. – 1898. – № 1.

3. *Данковская Р.* Малороссийские обрядовые печенья Курской губернии // *Этнографическое обозрение*. – 1909. – № 1.

4. *Дмитрюков А.* Материалы для описания Курской губернии. Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского уезда. Сообщил А. Дмитрюков // *Курские губернские ведомости*. – 1853. – № 6, 7, 8, 11, 12, 13.

1) оскільки текст написаний російською мовою, то всі правила пунктуації, а також написання великої літери, префіксів та суфіксів, прийменників, часток подаємо за сучасним російським правописом: *разказ — рассказ; рассказик — рассказчик; мущины — мужчины; Малороссияне — малороссияне; ея — ее; едва ли — едва ли; ктому же — к тому же* тощо;

2) українські цитати (у тому числі й окремі слова), через які передається пряма мова інформантів, зберігаємо без змін;

3) так само зберігаємо адекватний правопис у цитатах від респондентів-росіян, адже, можливо, вони відображають місцеву говірку: *набойчатая, синія, какія*;

4) там, де є розбіжності в написанні топонімів, зберігаємо, як в оригіналі, адже нам невідома точна назва села (Волоконовка, Волокановка, Великановка);

5) усі скорочені слова подаємо повністю, відновлену частину — у квадратних дужках: *напр. — напр[имер], след. — след[овательно]*. Усі скорочення, що написані під титлами, розшифруємо й подаємо повністю: *тк̃ кк̃. — так как; кр̃ый̃ — который, тд̃ кк̃. — тогда как*. Такий скоропис характерний для чорнових заміток Залюбовського;

6) усі підкреслені Г. Залюбовським частини тексту подаємо курсивом;

7) посторінкові примітки Г. Залюбовського та наші власні виносимо в коментарі.

5. *Дмитрюков А.* Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // *Московский телеграф*. – 1834. – № 10, 11.

6. *Добротворский Н.* Малорусские песни у великорусских крестьян // *Киевская старина*. – 1886. – Кн. 11.

7. *Известия историко-филологического института князя Безбородка в Нежине*. – Нежин, 1904. – Т. XXI.

8. *Кубійович В., Оглоблин О.* Слобідська Україна // *Енциклопедія українознавства*. – Л., 2000. – Т. 8.

9. *Курщина* // *Енциклопедія українознавства*. *Словникова частина / голов. ред. проф. д-р. В. Кубійович*. – Л., 1994. – Т. 4.

10. *Маркусь В.* Земства. Земські установи // *Енциклопедія українознавства*. – Л., 1993. – Т. 2.

11. Материалы для описания Курской губернии // Курские губернские ведомости. – 1851. – № 10, 11, 19.

12. *Н. Ст.* Заметки о поверьях малороссиян Суджанского уезда // Производитель и промышленник. – 1860. – № 12.

13. *Николаев А.* Материалы для описания Курской губернии. Очерк демонологии малороссиян Суджанского уезда // Курские губернские ведомости. – 1853. – № 14.

14. *Николаев А. П.* Свадебные обряды малороссов Суджанского уезда // Москвитянин. – 1854. – № 62.

15. *Подольский В.* Пчеловодные поверья 1. Малорусские. Из Суджанского уезда. Курской губернии // Труды Императорского Вольно-

го экономического общества. – 1882. – Т. 1. – Вип. 2.

16. Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. – С.Пб., 1787.

17. *Резанов Е. И.* Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской архивной комиссии. – 1911. – Вып. 1.

18. *Сластѣн О.* Кобзарі // Рідний край. – 1909. – № 43.

19. *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – С.Пб., 1905. – Т. 76.

20. – Ъ – Ъ. С границы Малороссии. (Суджанский уезд Курской губ. // Киевлянин. – 1875. – № 8.

Г. Залюбовский

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

В числе требований, громко заявляемых нашим временем, можно поставить собираніе всяких этнографических данных; наступающая деятельность земства оказывается невозможною без подобных сведений, и почти везде, где только оно начало действовать, первые запросы были касательно собиранія их. Нет сомнения, что спустя несколько лет после приступа земства к ведению своих дел, мы будем знать нашу землю несравненно точнее и лучше, чем насколько могли узнать ее во многие десятки прежних лет. Несомненно также и то, что недостаток почти всяких этнографических у нас сведений может быть отнесен не всегда к общему равнодушію в этом деле, а чаще гораздо к неумению взяться за него, ко незнанию, что и насколько может быть интересно и важно для этнографии. Вообще низкий уровень познаний в среде общества часто был причиною неумения оценить тех драгоценных данных, которые в землях более просвещенных давно уже составляют предмет тщательных разысканий и наблюдений не только отдельных лиц, но и целых комиссій, и ученых обществ. Мы недавно случайным образом встретили не лишеныя интереса этнографические заметки об одной местности Курской губернии, именно 4-м стане Старооскольского

уезда, и сочли уместным дать им известность. Мы будем цитировать точные слова этих заметок, дозволяя себе только изредка объяснения, если того потребует содержание заметок. Точнее определится местность эта из самих заметок.

* * *

Эта местность по пространству очень невелика и занимает южную часть той узенькой полосы, которая граничит с одной стороны Воронежскою губ., а с другой — р[екою] Осколом. По другую сторону Оскола сюда относится треугольник, границы которого составляют р. Оскол, часть Новооскольского уезда и линия, проведенная от Хворостянки до Ст[арого] Оскола. Мне известна отчасти только нижняя часть этой местности. Тут население если не наполовину смешанное, то преобладающее малорусское. Но смешаны они не так, чтобы в одной и той же деревне жили вперемешку малороссы и великороссы, а всегда уже если малорусская деревня, то все — малороссы, и наоборот. Зато деревни эти так перемешаны, что, разъезжая по уезду, попеременно встречаешь то те, то другие. Напр[имер], в Долгой Поляне великороссы, а в Дубенке (верст 5 от Долгой Поляны) — малороссы; дальше версты 1 ½ от Дубен-

ки — Лубышево, а около него Успенское с населением великорусским. Верст 7 от Успенского — Орлик с населением малорусским], Волоконовка — тоже. И этих малорусских сел здесь довольно много; так мне называли малорусскими: Хворостянку, Мыщенку, Олшанку, Трубецкую, Ивановку, Козачок, Обуховку. Между ними есть села с довольно большим населением, напр[имер], в Волоконовке считается 751 душа, в Ивановке — 828, но больше всех должен быть Орлик. В Лубышевой мне много рассказывали об Орлике; приведу слова одного из грамотнейших лубышевских поселян, человека пожилого и бывалого: «Орлик — большое село, — говорил он. — тысячи 3 ½ душ, и все не наш народ, а хохлы. Там и стан. Все это бывшие временнообязанные крестьяне ¹ гр[афини] Браницкой ², народ богатый и промышленный. Есть купцы с двумя-тремя тысячами капитала, и больше, и еще при крепостном праве вся слобода была на оброке. Мы часто ездили туда за разными покупками. Деготь, соль, кожи и изделия кожвенные, — овчины, полусубки, сапоги, — мы покупаем в Орлике. И народ-то там все образованный, “полированный, ремесленная слобода”. Почти в каждом доме самовар; образами стены завешаны; люди в сапогах ходят. Занимаются разной торговлей, ремеслами; скот гуртами держат; есть и земледельцы, но мало. А вот из Дубенки, тоже хохлы, приходят к нам портные; и мы даем им шить зипуны. Сукно то мы сами делаем — бабы ткут и сукно, и пояса, — а шьют хохлы. И чудной народ хохлы! Все у них отменное: и песни, и одежда, и все. Бабы, примерно, лаптей не носят, а сапоги, а нешто уже бедная какая, так делает лапти из кожи». — Должно быть, рассказчик разумел тут башмаки, — (замечает составитель заметок). — «Юпок красных нету-те у них совсем: набойчатая синия, али какая другия; на голове очипок, а не повязка. Мужики ходят по-нашему (т. е. по-великорусски); а вот чумаки, что идут с низу, так все на них дивятся, что рубахи-то у них не на выпуск, а в штаны

заложены» — Так отзывался об орликовцах лубышевский великоросс; другой 85-летний лубышевец, дьячек, постоянно с 1806 г. живущий в этой местности, говорит, что он не помнит, когда поселились там «хохлы», и, не смотря на давность поселения их здесь, они и в быту своем, сколько можно судить по рассказам их соседей, нисколько не изменились, кроме небольших исключений. Конечно, в такой упорной неподатливости к слитию двух народностей, даже в точках их соприкосновения, немало участвовало и крепостное право. Малороссы в здешних местах почти все были помещичьи крестьяне; оттого до 1861 г. почти не было заключаемо браков между ними и великороссами (государствен[ыми] крестьянами), а это, конечно, много способствовало к взаимной отчужденности и сохранению каждым народом своей особенности. Теперь такие браки встречаются чаще прежнего. И если теперь уже замечается разложение народности малорусской от напора великорусской, то должно быть и явление обратное; трудно сказать, насколько это так, и нужно хорошо знать народную жизнь, чтобы уследить даже малейшее изменение в ней. Пока я заметил только в языке великорусском некоторые слова, прямо взятые из малорусского, но конечно представленные по духу языка великорусского, напр[имер]: *грамада*, *балакал*, *швидча* (ы произносится гораздо тверже, чем малорусское и), *брэшишь*.

Был я проездом в Ивановке, в Великановке; костюмы действительно обличают народы, языки еще больше. Правда, мужчины гораздо более изменились, и костюм их совсем великорусский; только покрой рубашки иногда, — впрочем, редко, — остается национальным, с воротником и с прямою прорехою; но женщины — [остались] чистыми украинками. Тут я на практике видел, как верно это мнение, что женщины гораздо более мужчин преданы старине и отличаются консервативным духом. В то время, когда национальный тип до некоторой степени подвергся разложению у мужчин, курских малороссов, у женщин он остается

почти в своей настоящей чистоте. Я проезжал в праздник, след[овательно], костюмы были праздничные. Ни одной красной юбки я не видал — все синие или голубые, набойчатые, ситцевые, разноцветные. У «дівчат», даже маленьких, лет 9—10, непременно на голове «стрічка»; без «стрічки» я не видел ни одной; только «стрічки» не из лент, а из платков цветных, а иногда красных³, свороченных лентою, пальца в 4 шириною, и довольно искусно заколотых или зашитых, так что «стрічка» выходит в виде цельного, широкого и толстого окольника. Кругом «стрічки» иногда венки из зелени, а иногда просто воткнуто в нее несколько зеленых листиков. Из-под «стрічки» висит коса, в которую вплетены ленты; «намисто» покрывает всю шею и грудь; «дукачі» непременное украшение у всякой женщины. «Молодиці» и «баби» в «очіпках», только форма «очіпка» совершенно походит на шапочку лютеранского пастора, делается из той же материи, как и на Украине; попадались и парчевые. Кругом «очіпка», по околышку его, повязывается лентою платок, и довольно толсто, так что из «очіпка» видно только одно дно, а весь головной убор очень похож на турецкую чалму. Плахты белые суконные и цветные разных сортов; у щеголихи — на рубахе вышитые рукава (только белыми нитками⁴), у старух встречаются запаски.

Дубенка — бывшее помещичье село, довольно большое, говорят, душ 300; население малоросское. Те же костюмы, что и в прежних селах, тот же говор. С великороссами и с панами этот народ говорит по-великорусски, но язык его похож на язык украинских дворовых, горничных, лакеев и пр., — мужчины *всего* [так в оригинале. — Л. I.] говорят по-великорусски лучше, чем женщины. С своими говорят по-малорусски, и особенно чист этот язык у женщин; только достаточно поговоривши с ними, заметишь в выговоре некоторых слов оттенки великорусской речи. В окрестных великорусских селах никто не мог мне сказать, когда и как попали сюда «хохлы»; говорили только, что давно уже, очень давно

живут тут и всегда различают себя от соседей — «москалів». В Дубенке сами малороссы говорили мне, как попали сюда: «Приїшли із України сім'ями», — говорили они, «Чутка йшла, наприклад, що у такого-то пана добре жити, — до ёго і йшли люде і селились. Так розказували нам діди та батьки. Як би знали, що буде, то не пішли-б».

Это, вероятно, происходило до 1782 г., пока существовало в Украине право вольного перехода; украинцы селились у пограничных курских помещиков на правах «подданных», и так[им] обр[азом] устанавливалась у них с соседними крестьянами-великороссами и юридическая разница. Указ 1782 г. прикрепил их к Курской земле и сравнял в правах с остальным крестьянством курским; но воспоминание о прежней свободе жило в них чрез все время закрепощения, что видно из того, что они постоянно называли себя «подданными», а крестьян-великороссов — «крестьянами» и «крепаками». Это сохранилось и до сих пор. У помещика Г. около Дубенки было дворов 40 крестьян великороссов, и малороссы постоянно чуждались их или, по крайней мере, всегда держали себя в стороне; почти не было примера браков между ними. «Ви — крепаки, — говорили они им, — а ми ні: ми будемо вільні». И на этом основании отец-малоросс не хотел выдавать дочь свою за «крестьянина»; парубок боялся породниться с ним. Это раздвоение было и на бумаге, в юридических актах. Так, тот же Г., подавая ревизские сказки, разбивал в них своих крестьян на две части, и одна была озаглавлена: «крестьяне», а другая — «малороссияне». И это требовалось законом. В настоящее время разница между великороссами и малороссами здесь так наглядна и так живо сознается теми и другими, что не заметить ее нельзя. Обыкновенное название здесь для малоросса «хохол», для великоросса — «русский», «москаль», прилагательные: «хохлацкий» и «русский», «московский» (напр[имер]: «московська череда», т. е. стадо, принадлежащее соседним великороссам). И не только язык и одежда

различает их, но и вся их жизнь, весь быт домашний и общественный продолжает эту разницу: так, по крайней мере, говорят они сами. И не только обряды более или менее важные, напр[имер], свадебные, а даже обстановка жизни, напр[имер], устройство хаты у «хохлов» свое. Напр[имер], я заметил, что у «хохлов» варистая печь всегда в первой комнате, около двери, а «кімната» — это самый теплый и спокойный уголок, уютная спальня³; у «москалів» напротив — варистая печь в «кімнаті». У «хохлов» хата вымазана и побелена, у «москалів» это редко; место для образов у «хохлов» не в том углу, где у «москалів». У «хохлов», по их словам, от роду никогда не бывало курных изб; «москалі» только недавно перестали их строить, глядя на «хохлов» и т. д. Не говорю уже о национальной чистоте и опрятности — с одной стороны и тоже национальной копоти и грязи с пруссаками и тараканами — с другой. Это всем известно и само собою разумеется. Даже сообщений, сходов, знакомств, сколько я мог заметить, очень мало между «хохлами» и «москалями», как будто китайская стена проведена между ними. Однажды я зашел в избу, где несколько баб возилось около ткацкого станка: одна растягивала нитки, другая расчесывала их, третья мотала на вал; сильно (?) сильно путались. Я заметил им, что работа довольно копоткая — чесать эти нитки, и одна из баб, что лет 50-ти, ответила, что «у руських не чешуть, і воно не плутајця». — «Как же это делается?» — спросил я. — «Хто ёго зна», — ответила она: «Я ніколи не бачила, бо не була у них, а це мені казала баба така з наших, з хахлушок». И никто из бывших тут баб не мог разрешить моего вопроса.

Великорусские особенности совершенно стираются у человека, которому пришлось поселиться в среде «хохлов». Владелец Дубенки, мне рассказывали, переселил когда-то (уже давно, впрочем) «крестьян» 4 семьи из своего калужского имения в Дубенку, между «хохлов», и теперь уже и следу их нет: все переродились в «хохлов».

Интересно объяснение мужчин-малороссов, почему они стали носить великорусский костюм: «Москалі сміюця з нас, то й носимо; а як ідемо на Україну, то там уп'яють з нас сміюця, — кажуть, що ми москалі, помоскалились; а ми кажемо: які-ж ми москалі! — то нам і віри не ймуть». Впрочем, мне говорили, что «парубки» уже не делают пробора посреди головы, а стрегутся в кружок, как на Украине, я же сам видел только небольших мальчиков, причесанных по-украински, с волосами, напущенными на лоб.

Относительно внешнего благосостояния нужно сказать, что дубенковские малороссы — народ не богатый; редко у кого из них остается запасной хлеб в стожках; скотины тоже мало, хотя народ трудолюбивый и земледельцы. Зимой большая часть мужчин занимается портняжеством: обшивают не только соседние села, но даже и в город заходят. Но заведений или мастерских у них нет: всякий из них хозяин и работник, всякий берет с собою ножницы, иголки, нитки и отправляется в окрестность зарабатывать. Там поселяется у какого-нибудь [удь] поселянина, на его кормах, пошьет ему что нужно, получит плату и идет дальше на розыск заработков. На дом заказов не берет.

Вообще малороссы курские недовольны своим новым местопребыванием и мне говорили, что после манифеста 1861 г. 19-го февраля, у них стало появляться стремление к переселению в Украину. В прошлое лето 3 или 4 двора выехало из Орлика в Украину; вероятно, будут переселенцы и в этом году. На днях один старик-малоросс из Орлика провожает своего сына с женою и детьми на Украину, а сам с семьею остается здесь. Из Дубенки не переселяются оттого, — жаловался мне один поселенец, — что общество не пускает: народ все бедный, и некому выплачивать податей и повинностей за переселенцев; «а в Орлику, он бачете, син їде, а батько зостаєця, платитиме за сина, бо е чим, і ёму вірють. Як би і у нас пустили, то більша половина пішла б... та де більша половина: мабуть, мало хто й зостався б тут».

Этим заканчиваются те заметки, которые нам совершенно случайно попались в руки и которые, разумеется, составляют два-три слова из предполагаемого автором этнографического дневника. Разумеется, нам остается поблагодарить за них автора и пожелать ему как можно больше воспользоваться удобным случаем заметить все, что представится его вниманию. Заметки его касаются местности, прилежащей к малорусским губерниям, и наполненной смешанным народонаселением мало- и великорусским. Тут более, чем где-либо можно проследить степень слияния обеих народностей — удобнее всего сличить их одну с другою и уловить между ними бытовые — как сходства, так и разницу. Автор на этом покамест и останавливается, да при кратковременном проезде, и притом среди выполнения других надобностей, более подробного описания едва-ли и ожидать можно. Это просто беглые заметки среди совсем посторонних дел. Мы даем им цену потому, что у нас вообще этнография весьма скудна, а по отношению ко черте, где столкнулись два названных нами славянских племени нашего отечества, и ничего почти не имеем. Тут обращено автором внимание наиболее на типичность племен, и ее колебания при взаимодействии двух славянских типов; и нам кажется, это — весьма важная сторона в быту народов, имеющих своеобразные нравственные, физические и бытовые особенности. Этнография, как наука, разработала еще очень мало для того, чтобы можно было определить, что происходит с народом при вырождении его в другую народность, какими сторонами эта новая народность отразится прежде всего в прежней, подавленной; но нет сомнения, что тут происходит сильное и глубокое вымирание собственных преданий⁶ и обычаев, дедовских заветов в пользу вновь принимаемых; тут происходит своего рода нравственный и бытовой *endosmos* и *exosmos*, подчас совершенно изменяющий моральную сущность подвергшихся ему субъектов, даже иногда в ущерб их прежнему

нравственному развитию. Тут идет глухая, но сильная работа, так сказать, внутри народного быта, внутри каждой отдельной личности под напором враждебных начал, и совершается она не без борьбы, иногда упорной, потому что человеку свойственна бесконечная привязанность ко воспринятому из детства, свойственна до того, что он как будто совсем теряет способность к перевоспитанию, как будто делается неспособным даже усвоить самые обыкновенные иногда слова чуждой речи и самые обыкновенные понятия и приемы, тут часто вся беда — во внутреннем антагонизме, в глубоком противоречии духовной сущности субъекта с объектом. В высшей степени интересна и важна эта борьба двух народных субстанций; когда им приходится вытеснять друг друга, результаты изучения ее немало бы дали уроков и политической мудрости, быть может, указав фактически верно на естественную несообразность сочетания известных народностей в одно общее целое, под одним общим прессом, стремящимся одинаково нивелировать все неулягающиеся особенности, из-за внешних эгоистических соображений. Результаты эти, быть может, уличили бы не одного яркого политика-космополита в *завиральных* идеях и заставили умолкнуть пред важностью естественных человеческих задатков и необходимостью их в общей экономике человеческой жизни. Смело предрекаем великую будущность этнографии, как науке, и признаем великую важность собирания ее данных, как бы они мелочны не казались с первого взгляда. По отношению к будущему ее мы невольно вспомним слова великого поэта: «да, друг Горацио, есть много в мире такого, о чем и не снилось нашим мудрецам», — и вспомним как нельзя более кстати. То, что еще лет 10—15 отвергалось великим критиком, как недостойное внимания, с высоты эстетических теорий, в наше время высоко поднялось во внимании ученых, с иной точки зрения — общественной, со стороны признания достоинства и значения личности, единицы. Дело само за себя говорит, и только до тех пор оно может оставаться

вне человеческой деятельности, вне приложения к нему сил, пока не уяснена его важность, но нет сомнения, что настанет пора этого уяснения — и то, что еще недавно никого не привлекало, станет на первое место перед человеческим анализом. Таким значением начинает уже пользоваться идея народности, стающая одною из артерий общественной жизни, но еще недавно не имевшая почти смысла для очень многих; — такую станет наука этнографическая, как специально разрабатывающая материал, на котором зиждется идея народности. Работы на этом поприще важны не во имя каких-нибудь случайных, мелочных интересов и частных соображений, а во имя выяснения общественной жизни и ее основ.

Мы несколько уяснили свой взгляд на этнографические заметки всякого рода, и скажем еще несколько слов по поводу самого собирания их. Тут может быть двоякого рода работа: или может прийти собирать этнографические черты и особенности, находясь прямо в среде самого народа, так сказать, описывать народ непосредственно и безотносительно; или подмечать и записывать те отклонения от коренного типа, каким подверглась одна народность при столкновении с другою, — констатировать первоначальные черты обоих и определять взаимное влияние одного типа на другой, смешение их. Эта вторая сравнительная работа, разумеется, должна производиться на границах, где сходятся две отдельные народности, и требует хорошего знакомства, по крайней мере, с одною из них, предварительного непосредственного и глубокого изучения ее, так как тут может прийти реставрировать каждую особенность и возводить ее к началу, к идеалу. Разумеется, сличение и описание родственных народностей гораздо труднее, чем совершенно чуждых друг другу, потому что столкновение родственных народностей производит более легкое и более быстрое и сильное слияние их, чем столкновение совсем чуждых, и потому реставрирование каждой черты требует большой внимательности и осмотрительности, большой наблюдательности

и глубокого знания реставрируемого типа. Тут нужно смотреть на всякую мелочь, потому что во всем может скрываться черта того или другого типа; тут все важно для этнографа и нет ничего лишнего, нестоящего внимания; тут надо подбирать колосок за колоском, факт за фактом. Не говоря уже о таких крупных чертах народности, каковы: речь, обычай, одежда, образ жизни, народная литература, физические отличия, — слияние двух чуждых народностей может быть подмечено и во многих других явлениях, менее заметных, более ускользающих от внимания. К последним относятся: *покрой одежды*, ее цвет и материал, *употребление* тех или других *земледельческих орудий* (плуга, сошки, рала и пр.), тот или другой способ *запашки и посева хлеба*; *непосредственное участие женщины при пахании земли* и при *молотьбе хлеба* (известно, что великорусские и белорусские женщины пахут землю и молотят хлеб наравне с мужчинами, составляют рабочую силу, уравниваемую с рабочею силою мужчины; — тогда как малорусские женщины этим вовсе почти не занимаются: «то чоловіча робота», — говорят женщины. По крайней мере, можно сказать это о малороссиянках Екатеринославской, Полтавской и коегде Харьковской губернии, между коренными туземцами. Тут даже смеются над мужчиною, который заставляет зависящую от него женщину выполнять мужские работы); *ношение кожаной обуви или лаптей* (лапти — принадлежность великорусского народа, но есть места в Южной России, где носят их и малороссы из незапамятных времен, как сами они говорят; напр[имер] в Лебединском уезде Харьк[овской] губ. (См. Прибавление к Харьк[овским] губ[ернским] ведом[остям] за 1863 г. №) ⁷; *употребление хозяйственно-технических терминов*, напр[имер] «пашуть» вместо «орють»); *песенные мотивы* и самые песни (слова, содержание, смысл; в обруселых малорусских деревнях песни являются бледными, бесцветными по содержанию и складу своему, нет в них силы, живости и энергии чувства, и яркости красок, какие

обыкновенны в чисто малорусских песнях; мотивы также скудны вариированием, унылы и не затрагивают ни одной струнки в душе); — *выражение нежности*, равно брани и шуток — тоже носит свой отпечаток; — «вулиці» имеют свои оттенки; — самые *сорты материй* на женских платьях (преимущественно), цвета «кісників», «перёдники»; *украшение и уборка домов* и пр. — и тут различия, и пр., и пр. Словом, одна народность, входя в другую, вторгается в нее всеми своими особенностями, — как крупными, так и мелкими, часто едва уловимыми, и производит с прежнею что-то среднее, бесцветное, неприятное для одного и другого типа (если он остается свежим, неповрежденным), возбуждающее в обоих их улыбку, насмешку. И во всех этих особенностях жизни народной можно подметить уклонение от своего типа при столкновении с другим типом. Собрать все эти уклонения — дело важное и нужное, дело, к[ото]рое ждет еще своих тружеников. — Мы не перечисляем

¹ ... *бывшие временнообязанные крестьяне графини Браницкой* ... — селяни, які не були кріпаками, але потрапили в залежність від поміщиці з різних причин: за борги, за провини і т. п. Саме вони часто втікали на незаселені землі.

² ... *графиня Браницкой* — графиня Олександра Василівна Браницька (уроджена Енгельгардт (1754–1838)), родичка князя Григорія Потьомкіна. Жила в маєтку в Білій Церкві, володіла 72,576 десятинами землі у Васильківському повіті Київської губ. (с. Лосятин, Саливінки, Соколівка).

³ Неопределенное слово. Вероятно, «вишневый» хотел сказать автор; едва ли пунцовый; а еще менее «суриковый» (примітка Г. Залюбовського).

⁴ То же самое встречается в северных уездах укр[аинских] губ[ерний] (Лебед[инском], Сумск[ом] и Богодух[овском]); это отчасти может указать прежнее место жительства малороссов, переселившихся в Кур[скую] губ.; в малор[усских] губерниях шитье, кажется, преимущественно

всего, что потребовало бы внимания этнографу при изучении известного типа; мы хотели только наметить некоторые из тех, незаметных совсем, особенностей народной жизни, к каким придется непременно обратиться собирателю этнографических черт: полное перечисление их слишком бы растянуло статью и затруднило внимание читателя; да к тому же имеются довольно полные программы по этой части, и мы можем указать на две из них, особенно полных: — одна в «Памятной книжке» Харьк[овской] губ[ернии] за 1863 г., а другая была издана в Киеве. Это, сколько нам известно, наиболее полные этнографические программы, хотя и они, в свою очередь, могут быть еще значительно расширены ⁸.

В заключение этой статьи мы считаем нужным привести здесь некоторые исторические и географические сведения о тех местах, к которым относятся вышеприведенные этнографические заметки, сообщенные нам для настоящей статьи ⁹.

цветное, а формы нарядного платья — довольно верный указатель прежнего места жительства выходцев (примітка Г. Залюбовського).

⁵ Писавшему эти заметки пришлось быть, видно, в более зажиточных избах, и потому он нашел такое разделение; у бедного же класса в Малороссии в «хаті» обыкновенно всего одна комната (примітка Г. Залюбовського).

⁶ Тут мається на увазі «традиція», а не «переказ».

⁷ Тут невідомо, яку публікацію на цю тему мав на увазі автор.

⁸ Очевидно, ідеться про: «Программу для доставления в Харьковской губернской статистический комитет сведений о здешней губернии»... // Памятная книжка Харьковской губернии на 1864 год — X., 1864. — С. 284–316; та «Программу для группировки сведений о южно-русском народе» // Киевские губернские ведомости. — 1863. — № 32. — С. 249–250. Вони передбачали етнографічні описи та збирання фольклору.

⁹ На цьому стаття обривається.